

Общественные отношения как объект правового регулирования

А. В. Евсеев

Ленинградский государственный университет имени А. С. Пушкина,
Санкт-Петербург, Российская Федерация

В статье предпринята попытка пересмотра традиционной для советского правоведения точки зрения, согласно которой объектом правового урегулирования и, следовательно, объектом юридической науки являются исключительно общественные отношения. Отмечается, что подобное понимание общественных отношений как единственного объекта права не охватывает такие известные современной социологии и политологии явления, как общественные состояния, общественное поведение, общественные организации и институты. Утверждается, что нормативно-правовое воздействие на них не сводится к конструкции «правоотношение», известной со времен Древнего Рима. Кроме того, показано, что использование понятия «общественное отношение» во многих случаях носит умозрительный характер, что сопоставимо со средневековыми «химерами».

Ключевые слова: право, общественные отношения, объект правового регулирования, теория права, философия права.

Для цитирования: Евсеев А. В. Общественные отношения как объект правового регулирования // Ленинградский юридический журнал. – 2025. – № 1 (79). – С. 56–77. DOI: 10.35231/18136230_2025_1_56. EDN: KHSDHE

Public Relations as an Object of Legal Regulation

Aleksei V. Evseev

Pushkin Leningrad State University,
Saint Petersburg, Russian Federation

The article attempts to revise the traditional point of view for Soviet jurisprudence, according to which the object of legal regulation and, consequently, the object of legal science are social relations. It is noted that such an understanding of social relations as the only object of law does not cover such phenomena known to modern sociology and political science as social states, public behavior, public organizations and institutions. It is argued that the regulatory and legal impact on them is not reduced to the construction of "legal relationship" known since the times of Ancient Rome. In addition, it is shown that the use of the concept of "social attitude" in many cases is speculative, which is comparable to medieval "chimeras".

Key words: law, public relations, object of legal regulation, theory of law, philosophy of law.

For citation: Evseev, A. V. (2025) Obshchestvennye otnosheniya kak ob'ekt pravovogo regulirovaniya [Public relations as an object of Legal regulation]. *Leningradskij yuridicheskij zhurnal – Leningrad Legal Journal*, No. 1 (79). Pp. 56–77. (In Russian). DOI: 10.35231/18136230_2025_1_56. EDN: KHSDHE

Введение

Одно из самых распространенных выражений, используемых на протяжении всей истории юриспруденции, это словосочетание «общественные отношения». О них упоминается ещё в древнейших письменных памятниках, да и в современных отечественных публикациях этот рефрен нередко встречается на страницах законов и научных публикаций по правовым вопросам.

Заметим, что далеко не каждое слово в юридическом языке получает своё логическое осмысление (в виде определения, содержательных признаков, объема, классификаций) и терминологическое закрепление. Эта ремарка уместна в отношении многих основополагающих правовых слов-понятий, таких как «свобода», «справедливость» или «интерес». Общий смысл таких слов многими юристами-практиками и даже правоведами-учеными воспринимается зачастую интуитивно или же посредством частных примеров¹, т. е. без должной рациональной рефлексии. Сказанное в полной мере относится и к столь часто употребляемому словосочетанию «общественные отношения».

В отечественной социологии под общественными отношениями обычно понимают «отношения между различными человеческими коллективами, социальными группами, классами и внутри их» [13, с. 117]. Одновременно выделяют также личные (межличностные) отношения – отношения между людьми, основанные на их индивидуальных интересах, взаимных симпатиях, совместном проживании и т. п. Абверсией общественных и личных отношений выступает индивидуальное отношение, т. е. внутреннее отношение человека к явлениям внешнего мира или к самому себе (рефлексия). В теоретическом

¹ Так, в гражданском праве до сих пор широко используется выражение «злоупотребление правом», которое иллюстрируется конкретными составами таких деяний, как «шикана», «обход закона», «ограничение конкуренции», «доминирующее положение на рынке» [См.: ст. 10 ГК РФ]. Общего определения понятия «злоупотребление правом» ни в законодательстве, ни в серьезной научной литературе нет.

плане общественное отношение чаще всего рассматривается как родовое понятие, обобщающее такие виды общественных отношений, как экономические, политические, идеологические и т. д.

Понятие «общественные отношения» в контексте современного права

Как же применяется определяемое таким образом дефиниция «общественные отношения» в современной юриспруденции?

Прежде всего отметим, что термин «общественные отношения» традиционно используется для обозначения предмета правового урегулирования и объекта юридической науки. Например, предмет административного права определяется теперь как «совокупность общественных отношений, возникающих в процессе организации и деятельности исполнительных органов публичной власти» [8, с. 40].

Аналогично, объектом юридической науки выступают «общественные отношения, связанные с такими важнейшими социальными институтами, как право и государство»¹.

Особое понимание общественных отношений даётся в концепции правоотношений, применяемой, в частности, в области гражданского, трудового, семейного, административного права и т. д. Традиционно правоотношения определяются как общественные отношения, урегулированные нормами объективного права [14, с. 51]. Некоторые авторы вводят ещё один существенный признак, полагая, что правоотношения непосредственно урегулированы комплексом взаимных субъективных прав и юридических обязанностей, присущих участникам этих отношений [1]. При этом считается, что любое правоотношение включает в себя две составляющие: юридический и материальный состав. Если юридический состав

¹ Рассказов Л. П. Основы юридической науки: учебное пособие. М.: А-Проджект, 2017. С. 34.

любого правоотношения формально регламентирован законом в виде особой правовой конструкции с такими её элементами, как «юридический факт – объект – субъект – субъективные права и обязанности – норма права», то материальный состав обычно не определяется, а лишь подразумевается; в лучшем случае используется некий абстрактный (родовой) признак, указывающий на реальность общественных отношений, урегулированный вышеуказанной конструкцией. Например, семейные правоотношения предполагают наличие материального состава, но зачастую определяемого весьма расплывчато – посредством понятия «семья» («живут как семья») или весьма точно («совместное проживание», «общее хозяйство», «общие финансы»); отсутствие же материального состава в семейных правоотношениях обычно характеризуют понятиями «отсутствие желания создать семью» и/или «фиктивный брак». При этом такой признак, как «интимные отношения» между мужчиной и женщиной, по-видимому, не может служить доказательством наличия между ними реальных семейных отношений – хотя бы в силу их права на тайну личной жизни. Более того, общеизвестно классическое определение понятия семьи: это союз мужчины и женщины, что далеко не тождественно правоотношениям между ними¹.

Аналогичным образом используется понятие «общественные отношения» и в административном праве, при этом изначально властные отношения в контексте теории и правоотношений трактуются уже как некие «вертикальные» правоотношения, посредством которых реализуются управленческие и иные властные полномочия государственных и муниципальных органов.

¹ В. Г. Ф. Гегель, иллюстрируя свою знаменитую триаду в «Науке логики», даёт, по сути, диалектическое понимание семьи: тезис – Мужчина, антитезис – Женщина, синтез – Семья (более сущностное понятие, объединяющее первоначальные понятия «мужчина» и «женщина» как свои подчинённые моменты).

Когда же идёт речь об административных правонарушениях, то обычно в ходе их выявления и расследования правоохранительные органы применяют к реальному событию и его последствиям (следам) особую правовую конструкцию – состав административного правонарушения, предусмотренный той или иной статьёй Особенной части КоАП РФ¹; такой состав всегда включает в себя определённые элементы, такие как «объект – объективная сторона – субъект – субъективная сторона». Парадоксально, но в большинстве статей (составов) действующего КоАП РФ объект административного правонарушения как предмет посягательства явно не указан; например, ст. 16.22 КоАП РФ вообще не содержит признаков объекта данного вида административных правонарушений²; нет упоминаний об административных отношениях как объекте правонарушений ни в одной статье гл. 16 КоАП РФ (Нарушения таможенных правил). Но если нет объекта посягательства, то нет и административного правонарушения, поскольку «отсутствие состава административного правонарушения является основанием для прекращения производства по делу об административном правонарушении»³. Такого рода пробел в административном праве восполняют правоведы и судьи, которые по-прежнему полагают, что «объектом административного правонарушения являются регулируемые и охраняемые административным правом общественные отношения»⁴. При этом подразумевается, что объектом

¹ Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 № 195-ФЗ (ред. 26.12.2024) // Официальный интернет-портал правовой информации [Электронный ресурс]. URL: <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody&nd=102074277> (дата обращения: 06.02.2025).

² Ст. 16.22. Нарушение сроков уплаты таможенных платежей: «Нарушение сроков уплаты таможенных пошлин, налогов, подлежащих уплате в связи с перемещением товаров через таможенную границу Таможенного союза, – влечет наложение административного штрафа на граждан в размере от пятисот до двух тысяч пятисот рублей; на должностных лиц – от пяти тысяч до десяти тысяч рублей; на юридических лиц – от пятидесяти тысяч до трехсот тысяч рублей» [Там же].

³ Ст. 24.5 КоАП РФ [Там же].

⁴ См., например: Обзор судебной практики Верховного Суда РФ. № 2 (2023), утв. Президиумом ВС РФ 19.07.2023 // СПС КонсультантПлюс; Шестало С. С. Административное правонарушение: понятие, признаки, состав (статья) // СПС КонсультантПлюс.

административного правонарушения могут быть самые разные общественные отношения: общественные отношения вообще (вся совокупность общественных отношений или любые общественные отношения), однородные общественные отношения (например, некие отношения, связанные с общественной безопасностью), видовые общественные отношения (например, некие отношения, связанные с безопасностью на транспорте) или вполне конкретные общественные отношения¹.

Другая картина складывается в области гражданского права, где юридический состав практически всегда дополняется известным материальным составом, в котором присутствует конкретный объект посягательства (скажем, вещь, определённая, как правило, с точностью до марки, ассортимента, количества и даже упаковки). При этом необходимости применять к такому вещному объекту какие-либо дополнительные характеристики (типа «конкретные общественные отношения») обычно не возникает².

Таким образом, в рамках теории правоотношений и соответствующего законодательства современное правосознание зачастую пользуется юридически неопределённым понятием «общественные отношения», которое имеет долгую историю, терминологически привлекательно и в то же время не вполне соотносимо с юридической практикой³.

О понимании общественных отношений как объекта права

Ситуация, связанная с пониманием общественных отношений в области права, становится ещё более сложной

¹ Например, возникновение общественно опасной ситуации на дороге из-за превышения скорости на 12 км/час транспортным средством марки BMW с государственным номером K00798X3 на участке 10 Московского проспекта (в сторону Пулково) 2 октября 2024 года в 21:55.

² Конечно, в некоторых особых случаях уместно говорить о конкретных общественных отношениях, например, при создании кем-либо препятствий для правомерного пользования этой вещью её собственником или третьими лицами (негативный иск).

³ Выше уже отмечалось, что понятие «общественные отношения» вполне оправдывает себя в рамках гражданского (цивильного) права и гражданских (имущественных) правоотношений.

и запутанной, когда термин «общественные отношения» начинает рассматриваться как универсальная категория для обозначения предмета правового урегулирования и объекта юридической науки. С таким глобалистским тезисом трудно согласиться. Тем более, что против этого тезиса могут быть предъявлены и контраргументы.

Во-первых, понятие «общественные отношения» имеет весьма солидное философское обоснование, прежде всего в учении К. Маркса (1818–1883), где они суть особая социальная реальность, с которой вынуждены иметь дело люди со дня рождения и в которой, в отличие от природы, нет «ни грана вещества». Далее – общественные отношения предстают у него в виде или материальных (экономических), или идеологических (сознательно построенных) отношений. Да и сама сущность человека проявляется, по Марксу, в его общественных отношениях («в своей действительности она есть совокупность всех общественных отношений» [6, с. 1–4]). При этом материальные отношения первичны по отношению к праву¹, науке, религии и т. д. Однако с выходом в свет в 1905 г. книги М. Вебера «Протестантская этика и дух капитализма» [3] большинство философов признало ошибочным экономический редукционизм в учении К. Маркса, особенно с учётом всёвозрастающей роли культуры, науки и права в развитии общества в XX в.² Учитывая, что марксизм на протяжении почти семидесяти лет был весьма влиятельной официальной идеологией в России, можно сделать предположение, что усилиями большевиков многие идиомы этой идеологии, в том числе марксистские концепты об общественных отношениях, были привнесены

¹ «Право никогда не может быть выше, чем экономический строй и обусловленное им культурное развитие общества» [7, с. 19].

² Парадоксально, что именно К. Маркс ещё в XIX в. заметил на полях своих трудов, что наука станет непосредственной производительной силой общества. Данный тезис, несомненно, вступил в противоречие с исходными принципами его экономического материализма.

в новое (социалистическое) правосознание и нашли своё продолжение в теории советского права и, соответственно, в советском законодательстве. Со временем они стали общепризнанным нарративом у советских юристов, поскольку создавали видимость некой материальной реальности, лежащей в основе правового регулирования и в то же время отличной от реальной юридической практики; таковыми нарративами были: «общественная собственность», «публичность права»¹, «социалистическая законность», «народный суд» и т. д.

Во-вторых, вряд ли на основе умозрительного знания (в данном случае – натурфилософского по своему смыслу понятия «общественные отношения») могут приниматься важные решения, касающиеся установления юридических фактов (мнимые сделки, фиктивный брак, семейная жизнь без регистрации брака и т. д.) или даваться правовые оценки в отношении лиц, совершивших правонарушения (судебные решения, административные постановления и т. п.). А ведь в результате использования такого рода понятий в законодательстве складывается сомнительная юрисдикционная практика, когда правоприменительные решения (особенно часто в области администрирования) выносятся лишь на основе наличия формальных признаков (при этом не учитываются негативные последствия оцениваемых деяний) и без исследования всей совокупности материальных признаков (прежде всего негативных последствий рассматриваемых противоправных деяний)². Например, водитель транспортного средства (далее – ТС), плавно сбавляя

¹ В отличие известного ещё с древних времён права частной собственности советские правоведы и политэкономисты постулировали некие общественные отношения в отношении материальных ценностей, являющиеся собственно предметом публичного права собственности (В. И. Ленин: «Мы ничего частного не признаем, для нас все в области хозяйства есть публично-правовое, а не частное»).

² Нечто подобное было характерно для средневековой инквизиции, которая вела розыск еретической скверны, то есть различных видов отступлений от догм религиозной веры, выраженных в Священном писании.

скорость перед предупреждающим или запрещающим сигналом светофора, пересек стоп-линию и остановился, формально нарушив тем самым п. 6.13 Правил дорожного движения¹. Если данный факт был замечен инспектором Госавтоинспекции (или был установлен средствами видеофиксации), то составляется протокол об административном правонарушении со ссылкой на ст. 12.14 КоАП РФ. Однако формальный характер такого правоприменительного решения не учитывает одного материального факта, важного с точки зрения права: резкое торможение могло привести к аварии с участием тех, кто двигался за этим ТС. Учитывая это обстоятельство оптимальным решением с точки зрения права было бы проведение профилактической беседы, устное предупреждение водителя ТС либо освобождение его от административной ответственности, согласно ст. 2.9 КоАП РФ.

Получается, что понятие «общественные отношения» в подобной практике служит лишь некой декларацией и/или теоретической рамкой, а не реальным объектом, доступным для документирования и юридического анализа, который проводит исследователь, дознаватель, следователь или эксперт.

В-третьих, наибольшие трудности использования дефиниции «общественные отношения» в области правоприменения, по-видимому, связаны с доказательностью наличия состава правонарушения и, прежде всего, его априори подразумеваемого объекта – «общественных отношений». Если признать, что объектом посягательства являются некие общественные отношения, то возникают вполне резонные вопросы: какой ущерб или вред они понесли (причём, в качественном и количественном измерении)?

¹ О Правилах дорожного движения (вместе с Основными положениями по допуску транспортных средств к эксплуатации и обязанности должностных лиц по обеспечению безопасности дорожного движения): постановление Правительства РФ от 23.10.1993 № 1090 (ред. от 06.12.2024) // СПС КонсультантПлюс.

кем и с помощью каких инструментов и методов этот вред или ущерб был установлен и измерен? восполним ли или невосполним данный ущерб (вред)? какова денежная стоимость вреда или ущерба, причинённого правонарушителем этим общественным отношениям? Заметим, что даже сторонники данного нарратива в последнее время вынуждены признавать, что наряду с общественными отношениями существуют и другие социальные реалии, такие как личность, права и свободы, собственность, общественная безопасность [15], которые могут выступать в качестве объектов административных правонарушений.

В-четвертых, говоря об объектах правонарушений, далеко не всегда следует обращаться к понятию «общественные отношения» – имеются вполне апробированные в юриспруденции способы заполнения таких своеобразных пробелов в праве. Например, если не указан объект административного правонарушения (т. е. в статье КоАП РФ отсутствуют признаки предмета посягательства), это не значит, что конкретный вид административного правонарушения не направлен на какой-либо социально значимый предмет – скорее всего, предполагается, что он не сводится к неким наблюдаемым явлениям и их конкретным признакам (вещь, денежные средства и т. п.), а характеризуется более абстрактными признаками, такими как общественное спокойствие, морально-психологическое здоровье людей, экономический интерес страны, экологическая безопасность, безопасность дорожного движения и т. п. Кроме того, при отсутствии в той или иной статье КоАП РФ абстрактных или конкретных признаков объекта правонарушения он в некоторых случаях может быть логически выведен из содержательного контекста статьи или представлен на основе известных аналогий или теоретических толкований, которые присутствуют в научных комментариях

к этой статье или упоминаются в соответствующих судебных решениях¹. Так, обращаясь вновь к ст. 16.22 КоАП РФ (о нарушении сроков уплаты таможенных платежей), можно легко установить, что данный вид административных правонарушений нацелен на вполне определенный объект – это недополученный государством доход в размере неуплаченных вовремя и в полном размере таможенных пошлин, налогов и иных платежей, подлежащих уплате в связи с перемещением товаров через таможенную границу Таможенного союза².

В-пятых, рассматривать общественные отношения в качестве объекта правового урегулирования и/или объекта состава правонарушения не совсем логично, поскольку практически любое общественное отношение включает в себя свой внутренний объект, аналогично тому, как правоотношение всегда имеет свой предмет (родовой или видовой). Поэтому имеет смысл мысленно двигаться дальше и путём логического анализа выделить в предполагаемом общественном отношении именно его специфический объект, в связи с которым и существуют данные общественные отношения и на который может быть направлено противоправное деяние. Например, кража (тайное хищение) – это не общественное отношение и, тем более, не правоотношение, а «деяние лица, совершившего незаконное изъятие имущества в отсутствие

¹ Большинство специалистов в области административного права в качестве объекта административного правонарушения называют некие общественные отношения, сложившиеся в практике взаимодействия таможенных органов и лиц, пересекающих таможенную границу страны; данные отношения, по их мнению, урегулированы нормами таможенного и административного права и могут быть нарушены субъектами, совершающими административные правонарушения. Обычно такие общественные отношения сторонники данного подхода называют «сложившийся порядок пересечения таможенной границы». Недостатком такого теоретического подхода, на наш взгляд, является то, что сами по себе общественные отношения между органами Федеральной таможенной службы России и участниками внешнеэкономической деятельности всегда урегулированы правом и поэтому являются правоотношениями, которые, в свою очередь, предполагают свой объект. Именно такой объект и должен быть найден и определён с точностью до признаков, указанных в рассматриваемом составе административного правонарушения, в качестве объекта (иногда – средства правонарушения). Заметим также, что в гл. 16 КоАП РФ объект в виде «общественных отношений» ни разу не упоминается, что автоматически переводит данную точку зрения из сугубо юридической плоскости в теоретико-идеологическую область.

² Современное название Таможенного союза – Евразийский экономический союз.

собственника или иного владельца этого имущества, или посторонних лиц либо хотя и в их присутствии, но незаметно для них»¹. В таком понимании объектом такого правонарушения, предусмотренного п. 3 ст. 158 УК РФ², является именно имущество собственника или иного владельца этого имущества.

Конечно, из всего сказанного вовсе не следует, что понятие «общественные отношения» должно быть отвергнуто или признано бесполезным в области права. Ведь концепция правоотношений, как отмечалось выше, уже на протяжении более двух тысячелетий вполне успешно работает в области гражданского (имущественного) права, да и в административном праве некоторые составы правонарушений могут включать в себя признаки конкретных правонарушений.

С учётом этих замечаний напрашивается вполне конструктивный вывод: надо признать, что использование понятия «общественные отношения» как объекта правового урегулирования (и научного изучения) весьма неоднозначно и в некоторой степени проблематично как в теоретическом плане³, так и в юридической практике. Тем более, данное понятие не может служить единственным понятием, указывающим на объект правонарушений.

Иные объекты правового воздействия и юридической науки

Указанная выше проблематичность в значительной степени снижается, если признать очевидное, а именно: общественные отношения не являются единственным

¹ О судебной практике по делам о краже, грабеже и разбое: постановление Пленума Верховного суда РФ от 27.12.2002 № 29 (ред. от 15.12.2022).

² Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 28.12.2024) // Официальный интернет-портал правовой информации [Электронный ресурс]. URL: <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody&nd=102041891> (дата обращения: 06.01.2025).

³ По-видимому, утверждать, что государство – это общественные отношения, может только человек, который ещё не расстался со стереотипами советского правоведения.

объектом правового урегулирования и научного изучения их юриспруденцией.

В научной литературе последнего времени не раз предлагалось рассматривать в качестве объекта правового урегулирования такие понятия (и соответствующие им предметные явления), как: общественные состояния, общественные деяния (поступки), общественные отношения, общественные организации (институты)¹. Хотелось бы отметить, что перечисленные социальные реалии нередуцируемы (не сводятся) к общественными отношениям и по сути являются самостоятельными сущностными явлениями, хотя и соприкасающимися с общественными отношениями. Рассмотрим их подробнее.

1. Общественные состояния были давно известны на Руси. Ещё в начале XVIII в. благодаря Петровским реформам утвердились такие общественные состояния («сословия»), как дворянство, духовенство, крестьянство (крепостные и казенные крестьяне); позже, при Екатерине II к этим сословиям добавились новые сословия: купечество, вольное казачество, мещане (сельские и городские обыватели). Каждое из сословий характеризовалось определённым родом занятий, местом проживания, владением и наследованием своего имущества, титулами (званиями). По сути, это были социальные признаки сословия, указывающее на его положение (место) в тогдашнем обществе. На основе своей сословной принадлежности каждый подданный в Российской империи наделялся особым набором прав и обязанностей, а также видами юридической ответственности². В современном российском праве существует и широко применяется аналог понятия «обще-

¹ См., например: Теория государства и права: учебное пособие / А. В. Гневко и др.; Санкт-Петербургский университет технологий управления и экономики. СПб.: Изд-во СПбГУТИЭ, 2017. С. 73–74.

² Например, по тогдашнему закону, телесные наказания не применялись к представителям дворянского сословия и к духовным лицам.

ственное состояние» – «правовой статус» как комплексное определение, характеризующее юридические свойства субъекта права в зависимости от его положения в обществе и/или государстве. Важно подчеркнуть, что правовой статус такого субъекта устанавливается, как правило, конституциями и/или законами посредством особых правовых норм (норм-дефиниций). При этом правовой статус определяется как стабильное правовое состояние субъекта, которым он обладает, как правило, до вступления в те или иные правоотношения¹. Яркий пример правового статуса – общая гражданско-правовая правоспособность физического или юридического лица².

2. На первый взгляд, весьма дискуссионным выглядит идея выделить общественные деяния в качестве самостоятельного объекта правового урегулирования – кажется, что любая человеческая деятельность не может происходить вне общественных отношений и, следовательно, она всегда должна быть урегулирована правами и обязанностями, соотнесёнными с другими субъектами права³. Тем не менее в общественной жизни порой возникают ситуации, когда человек вольно или невольно (или просто случайно) выпадает из сложившихся общественных ситуаций, например, когда он уединяется, молится Богу, сосредоточен на индивидуальном творчестве, совершает космический полёт и т. д. Если же вернуться в более привычный контекст, обнаружим весьма известный, но, к сожалению, редко встречающийся в жизни феномен под названием «свобода». Под свободой в современной юриспруденции понимается правовая возможность

¹ А. Ю. Якимов, как и многие другие теоретики права, определяет правовой статус как стабильное правовое состояние субъекта, а правовое положение — как изменчивую совокупность прав и обязанностей, обусловленную вступлением субъекта в те или иные правоотношения [15, с. 7–8].

² См.: гл. 3–4 ГК РФ.

³ В этом пункте следует четко различать философский (марксистский) дискурс об общественной сущности человека («человек – социальное животное») и собственно юридический ракурс рассмотрения обсуждаемых явлений общественной жизни.

и способность лица самостоятельно конструировать и воплощать модель собственного поведения или делать свой субъективный выбор между вариантами (моделями) возможного поведения, которые предоставляет закон¹. В первом случае реализация свободы может происходить как моральный поступок, акт самоутверждения, творческое озарение, воинский подвиг и т. п. Во втором, более распространенном случае, мы имеем дело со свободой выбора товара, учебного заведения, места работы, спутника жизни, – словом, свободного, внутренне мотивированного решения, нацеленного на вступление в те или иные общественные отношения. Характерно, что вышеперечисленные и иные формы и виды реализации свободы зачастую происходят безотносительно к каким-либо общественным отношениям². Основной принцип при реализации свободы (свобод) – «разрешено всё, что не запрещено законом». Конечно, при этом не должны нарушаться права и свободы других лиц³.

3. Весьма отличаются по своему содержанию и, следовательно, по формам правового урегулирования такие явления, как общественные организации и институты. Проблема несводимости организаций к общественным отношениям была известна ещё древнеримским юристам, которые выделяли – наряду с физическими ли-

¹ Теория государства и права: учеб. пособие / А. В. Гнево и др. СПб.: Изд-во СПбГУТИЭ, 2017. С. 111.

² Безотносительность к общественным отношениям в данном случае означает автономность поведения человека, не включенного в данный момент в конкретные общественные отношения, хотя последние могут быть в зоне его внимания и влиять на него и его деятельность. По поводу автономности поэтического творчества высказывался ещё А. С. Пушкин в своём знаменитом стихотворении «Разговор книгопродавца с поэтом»: «Не продается вдохновенье, но можно рукопись продать».

³ Широко распространено изречение, приписываемое И. Канту (чаще – М. Бакунину): «Свобода каждого заканчивается там, где начинается свобода другого человека». Но гораздо больше смысла в противоположном тезисе, навеянном «Этикой» Б. Спинозы: «Свобода каждого заканчивается там, где начинается несвобода другого человека». Спиноза полагал, что «человек, руководимый разумом, чтобы жить свободнее, желает соблюдать общие права гражданского общества» [10, с. 285], то есть, оставаясь свободным, он не стремится нарушать свободу других людей. Что касается И. Канта, то он, в отличие от Б. Спинозы, связывает свободу не только с разумом, но и с волей и таким её проявлением, как мужество, необходимым для того, чтобы пользоваться разумом и быть свободным: «Имей мужество использовать свой собственный разум».

цами – некие социальные организации (известные как «союзы», «коллегии», «корпорации»¹), но в юридическом плане они во многом уподобляли такие организации физическим лицам и наделяли их теми же юридическими свойствами – право- и дееспособностью физических лиц. Конечно, такие организации в Древнем Риме имели и некоторые юридические особенности (по сравнению с физическими лицами), например, выход или смерть отдельных членов организации не влекли их прекращения, а для получения завещательного имущества необходимо было получить особое разрешение [5, с. 113]. Развитие такого подхода завершилось в XIX в. созданием своеобразной концепции – конструкции юридического лица [9].

Существенными признаками юридического лица как общественной организации на сегодня признаются [4, с. 79–87]:

- объединенный капитал (концентрация имущества и денежных средств учредителей и других лиц) в собственности и управлении такого лица;
- обособление этого капитала от основателей юридического лица и, следовательно, его способность нести имущественную ответственность за свои действия (при минимизации ответственности учредителей за его действия);
- наличие организационно-управленческой структуры (что нехарактерно для физических лиц);
- способность приобретать права и нести обязанности, реализовывать их от имени юридического лица;
- государственная регистрация;
- реквизиты (имя/название и т. д.);
- адрес (юридический/физический);

¹ См.: Виды и перечень таких организаций, существовавших в Древнем Риме, представлены в статье [11].

■ фиктивные элементы (воля юридического лица, вина юридического лица¹).

Общей проблемой для юридических лиц является противоречие между интересами юридического лица, с одной стороны, и интересами физических лиц – его сотрудниками и учредителями.

С точки зрения системного подхода² общественные организации – это не просто «социальные формы существования человека» (К. Маркс) или «определенные формы общественных отношений» (А. В. Венедиктов)³. Важнейшим признаком общественных организаций является такая их особенность, как взаимозаменяемость персонального состава: будучи созданной конкретными людьми, любая организация включает в себя работников, руководителей, специалистов и других сотрудников – но все они могут выйти из своей общественной организации, а на их место придут другие, при этом общественная организация продолжает существовать и действовать, причем в прежнем или ином устойчивом режиме. Данная особенность организаций выступает их общей закономерностью, а именно: внутри любой общественной организации складывается стабильная организационно-управленческая структура («внутренняя форма»).

¹ См.: ч. 2 ст. 2.1 КоАП РФ («Юридическое лицо признается виновным в совершении административного правонарушения, если будет установлено, что у него имелась возможность для соблюдения правил и норм, за нарушение которых настоящим Кодексом или законами субъекта Российской Федерации предусмотрена административная ответственность, но данным лицом не были приняты все зависящие от него меры по их соблюдению»).

² История и методология юридической науки: учебное пособие / А. В. Евсеев, А. О. Лядов, Л. И. Жжилова. СПб.: Изд-во СПбГУТИЭ, 2019. С. 29–30.

³ Советская доктрина исходила от фикции юридического лица, рассматривая ее как человеческий субстрат в его общественных отношениях, при этом деятельность юридического лица является базовым критерием его правосубъектности, что нашло свое воплощение в «теории коллектива» А. В. Венедиктова ««Раскрывая сущность юридического лица как определённой правовой формы общественных отношений мы обязаны показать за ними живых людей, из которых этот коллектив состоит и формой отношений которых такое юридическое лицо является...». По мнению этого учёного, за каждым из государственных органов стоит весь советский народ, а также коллектив рабочих и служащих, которых возглавляет его руководитель. Если народ не создает субстрата юридического лица, то коллектив и есть собственно юридическое лицо. Своё дальнейшее развитие идеи Венедиктова А. В. нашли в «теории директора» Толстого Ю. К., главным тезисом которого является представление о директоре как носителе юридической личности предприятия» [цит. по: 4 с. 82].

4. Рассматривая понятие «общественные институты»¹, обычно подразумевают под этим словом такие общественные организации, которые имеют ряд особенностей и характеризуются следующими признаками:

- созданы по определённым формальным правилам²;
- их содержательные части (элементы) взаимозаменяемы, т. е. могут быть заменены на новые однородные элементы;
- единство и устойчивость общественного института обусловлены наличием в нём определенной структуры (организационно-управленческой формы; внутренней системы надличностных связей и отношений);
- функционирование любого общественного института создаёт определённые внешние эффекты (результаты, последствия), которые должны быть востребованы государством, обществом, личностью;
- предполагается государственная регистрация;
- в составе некоторых общественных институтов возможно создание внутренних организаций (подсистем).

Общеизвестны примеры общественных институтов: семья, школа, церковь, здравоохранение, банки, государство и др.

Заключение

Таким образом, мы видим, что список объектов правового урегулирования не сводится только к общественным отношениям и включает в себя целый ряд других общественных явлений, которые охватываются соответствующими социологическими категориями и подпадают под действие правовых понятий, норм и принципов.

¹ Парадоксально, что это понятие-термин зародилось в древнеримской юриспруденции («институции», «институты») и обозначало некоторые разделы тогдашнего частного права.

² Многие общественные организации, в отличие от общественных институтов, созданы не по формальным правилам, предписанным властью, а на основе общих интересов, договоренностей, планов самих участников этих организаций (например: древнеримская секта, клуб коллекционеров, «черная касса» и т. д.).

Что касается дальнейшего преодоления вышеупомянутой проблематичности известного концепта «общественные отношения», возникающей при использовании его в области права и в юридической науке, то, по-видимому, следует более внимательно проанализировать саму природу общественных отношений, причём не в их статике, а с диалектических позиций. Конечно, потребуется обратиться в первую очередь к современным философским, социологическим и политологическим публикациям, в которых общественные отношения рассматривались бы не с натурфилософских или философических¹ позиций, а с учётом эмпирических («полевых» и статистических) исследований и достижений теоретической мысли. Осмысление этого конкретно-научного материала в юриспруденции позволило бы не только расширить её концептуальный аппарат, но и открыть новые стороны и аспекты общественной жизни, подлежащие правовому урегулированию.

Список литературы

1. Бондарев А. С. Два типа правоотношений в обществе: их единство и различия // Вестник Пермского государственного университета. Юридические науки. – 2011. – Вып. 1. – С. 7–18.
2. Бутов С. В., Лысенков С. Г. О соотношении понятий «правовой статус» и «правовое положение» как самостоятельных юридических категорий // Правопорядок: история, теория, практика (Челябинск). – 2022. – № 4 (35). – С. 6–11.
3. Вебер М. Протестантская этика и дух капитализма. – М.: Изд-во АСТ, 2021. – 352 с.
4. Коструба А. В. Теория юридического лица: интегративный подход // Проблемы гражданского права и процесса: сб. науч. статей. – Гродно: ГрГУ им. Я. Купалы, 2020. – С. 79–87.
5. Ляшенко Д. А., Ускова Ю. В. «Юридические лица» в Древнем Риме как основа формирования понятия юридических лиц в современном гражданском законодательстве РФ // Эпомен (Краснодар). – 2018. – № 12. – С. 110–115.
6. Маркс К. Тезисы о Фейербахе // Маркс К., Энгельс Ф. Соч.: в 50 т. Т. 3. – 2-е изд. – М.: Гос. изд-во политической литературы, 1955. – С. 1–4.

¹ Под философическим знанием в данном случае понимаются философские теории прикладного характера, которые в своих выводах претендуют на статус научно-теоретического знания. Такого рода поползновения характерны и для философии права; примером может служить судьба марксистского концепта «общественные отношения», которое было перенесено в советское правоведение и приобрело в нём гипертрофированное значение в качестве общетеоретического правового понятия, а также судьба философического концепта «естественные права человека», возникшего под сильным воздействием философии (Эпикур, Дж. Локк и др.).

7. Маркс К. Критика Готской программы // Маркс К., Энгельс Ф. Соч.: в 50 т. Т. 19. – 2-е изд. – М.: Гос. изд-во политической литературы, 1961. – С. 9–32.
8. Россинский Б. В. Современное понимание предмета административного права // Правовая политика и правовая жизнь. – 2021. – № 3.1. – С. 38–43.
9. Савиньи Ф. К. фон. Система современного римского права: в 8 т. Т. 2. – М.: Статут, 2012. – 573 с.
10. Спиноза Б. Этика. – Минск: Харвест. – М.: АСТ, 2001. – 336 с.
11. Субботин Ю. В., Крицкая С. Ю. История формирования понятия «юридическое лицо» в Древнем Риме // Юридические науки. – 2022. – № 6. – С. 17–22.
12. Фиалковская И. Д. Состав административного правонарушения: первичные и вторичные признаки. // Законность и правопорядок (Н. Новгород). – 2018. – Вып. 3 (19). – № 83. – С. 29–33.
13. Философская энциклопедия: в 5 т. Т. 4. – М.: Советская энциклопедия, 1967. – 591 с.
14. Халфина Р. О. Общее учение о правоотношении. – М.: Юридическая литература, 1974. – 350 с.
15. Якимов А. Ю. Статус субъекта права // Государство и право. – 2003. – № 4. – С. 5–10.

References

1. Bondarev, A. S. (2011) Dva vida pravootnosheniy v obshestve: ih edinstvo i razlichiya [Two types of legal relations in society: their unity and differences]. *Vestnik Permskogo gosudarstvennogo universiteta – Bulletin of Perm State University. Legal sciences*. No. 1. Pp. 7–18. (In Russian).
2. Butov, S. V., Lysenkov, S. G. (2022) O sootnoshenii ponyatiy «pravovoiy status» i «pravovoe polozhenie» kak samostoyatelnykh juridicheskikh kategoriy [On the relationship between the concepts of "legal status" and "legal place" as independent legal categories]. *Zakon i porядok: istoria, teoria, praktika – Law and order: history, theory, practice*. No. 4 (35). Pp. 6–11. (In Russian).
3. Weber, M. (2021) *Protestantskaya etika i duh kapitalizma* [Protestant ethics and the spirit of Capitalism]. Moscow: AST Publishing House (In Russian).
4. Kostruba, A. V. (2020) Teoriya juridicheskogo licza: integrativnyi podhod [Theory of a legal entity: an integrative approach]. *Problemy grazhdanskogo prava i processa: sbornik nauchnykh ststyei* [Problems of civil law and process: collection of scientific papers]. Grodno: GrSU named after Ya. Kupala. Vol. 5. Pp. 79–87. (In Russian).
5. Lyashenko, D. A., Uskova, Yu. V. (2018) Uridicheskie licza v Drevnem Rime kak osnova formirovaniya ponyatiya uridicheskogo licza v sovremennom grazhdanskom prave RF ["Legal entities" in Ancient Rome as the basis for the formation of the concept of legal entities in modern civil legislation of the Russian Federation]. *Epomen*. No. 12. Pp. 110–115. (In Russian).
6. Marx, K. (1955) Tezisy o Feyerbahe [Theses on Feuerbach]. *Marks, K., Engels, F. Sochineniya: v 50 t. 2-e izd. T. 3* [Marx, K., Engels, F. Engels, F. Essays: in 50 vols. 2nd ed. Vol. 3]. Moscow: State Publishing House of Political Literature. Pp. 1–4. (In Russian).
7. Marx, K. (1961) Kritika Gotskoy programmy [Criticism of the Gotha program]. *Marks, K., Engels, F. Sochineniya: v 50 t. 2-e izd. T. 19* [Marx, K., Engels, F. Essays: in 50 vol. 2nd ed. Vol. 19]. Moscow: State Publishing House of Political Literature. Pp. 9–32. (In Russian).
8. Rossinsky, B. V. (2021) Sovremennoe ponimanie predmeta administrativnogo prava [Modern understanding of the subject of administrative law]. *Pravovaya politika i pravovaiya zgizn – Legal policy and legal life*. No. 3.1. Pp. 38–43. (In Russian).

9. Savigny, F. (2012) *Sistema sovremennogo rimskogo prava: v 8 t. T. 2* [The system of modern Roman law: in 8 vols. Vol. 2]. Moscow: Statute.
10. Spinoza, B. (2001) *Etika* [Ethics]. Minsk: Harvest, Moscow: ACT (In Russian).
11. Subbotin, Yu. V., Kritskaya, S. Y. (2022) Istotiya formirovaniya ponyatiya "uridicheskoe liczo" v Drevnem Pime [The history of the formation of the concept of "legal entity" in Ancient Rome (article)]. *Uridicheskie nauki – Legal Sciences*. No. 6. Pp. 17–22. (In Russian).
12. Fialkovskaya, I. D. (2018) Sostav administrativnogo pravonarusheniya: pervichnye b vtorichnye priznaki [The composition of an administrative offense: primary and secondary signs]. *Zakonnost i poryadok – Law and order*. Vol. 3 (19). No. 83. Pp. 29–33. (In Russian).
13. *Filosofskaya enciklopediya: v 5 t. T.4 (1964)* [Philosophical encyclopedia: in 5 vols. Vol. 4]. Moscow: Soviet Encyclopedia. (In Russian).
14. Khalfina, R. O. (1974) *Obshee uchenie o pravootnoshenii* [The general doctrine of legal relations]. Moscow: Yuridicheskaya literature. (In Russian).
15. Yakimov, A. Y. (2003) Status subjekta prava [The status of the subject of law]. *Gosudarstvo i pravo – The State and law*. No. 4. Pp. 5–10. (In Russian).

Об авторе

Евсеев Алексей Викторович, кандидат философских наук, доцент, Ленинградский государственный университет имени А. С. Пушкина, Санкт-Петербург, Российская Федерация, ORCID ID: 0009-0001-3274-2370, e-mail: avespb@gmail.com

About the author

Aleksei V. Evseev, Cand. Sci. (Philos.), Associate Professor, Pushkin Leningrad State University, Saint-Petersburg, Russian Federation, ORCID ID: 0009-0001-3274-2370, e-mail: avespb@gmail.com

Поступила в редакцию: 25.11.2024
Принята к публикации: 18.02.2025
Опубликована: 31.03.2025

Received: 25 November 2024
Accepted: 18 February 2025
Published: 31 March 2025